

ВЕРНЕР Г. К.

ТИПОЛОГИЯ ЭЛЕМЕНТАРНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ЕНИСЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Наименее разработанной областью енисейских языков, несомненно, является синтаксис. Имеется лишь две специальные диссертационные работы по данной проблеме [1, 2] и ряд статей [3—6], выполненных в терминах традиционного понятийного аппарата описания на уровне членов предложения. Вопросы типологии енисейского предложения, кроме одной статьи общего характера [7], не исследовались в должной мере, а между тем именно типологическая характеристика позволит раскрыть и понять специфику енисейского синтаксиса. Предлагаемая статья посвящена типологии элементарного предложения в кетском, югском и коттском языках.

Исходя из характеристики ядра енисейского предложения (предиката и его актантов), можно заключить, что синтаксической доминантой предложения в кетском, югском и коттском языках является финитное глагольное сказуемое, которое в соответствии с ранговой квалификацией членов предложения обладает рангом первой величины. Его специфика определяется наличием в енисейских языках классно-личного субъектно-объектного спряжения, в силу которого финитное глагольное сказуемое уже само по себе представляет минимальную модель предложения, а именные члены конкретизируют различные глагольные показатели [8, с. 196]; в глагольной словоформе наблюдается, таким образом, тенденция к отражению в ее составе всех элементов предложения: югск. *t-fallax-a-tindaxn* «они-его-(руками) схватили», ср.: югск. *d'eŋ baŋgal t-fallax-a-tindaxn* «люди осетра (руками) схватили». В целом лексическая наполняемость енисейского простого предложения, прежде всего число актантов при предикате, определяется содержательной валентностью глагола; ею же задается и синтаксическая структура соответствующего предложения, однако последний вопрос осложняется тем, что до сих пор нет единого мнения относительно места енисейского языкового типа в типологической классификации языков (по схеме, данной в [9]; т. е. не установлено, в какой мере соотносятся в енисейских языках черты номинативности и эргативности, а также реликтовые черты активного строя). Решение этого вопроса затрудняется следующими обстоятельствами: (1) енисейские языки обнаруживают большое многообразие типов глагольного спряжения [10, 11], выражающееся в первую очередь в различных комбинациях субъектно-объектных глагольных показателей серии Б и серии Д [12]; (2) позиционные падежи не получают в енисейских языках формального выражения на морфологическом уровне, и кодирование актантов осуществляется поэтому прежде всего при помощи их согласования с предикатом; (3) относясь в соответствии с формально-типологической классификацией языков к языкам полисинтетическо-агглютинативным [13], енисейские языки, особенно кетский и югский, широко используют в глагольной морфологии как префиксацию, так и инфиксацию с суффиксацией [14], что осложняет общую схему кодирования актантов предиката. В данных условиях необходимо было в качестве первого шага по преодолению многообразия енисейского глагольного формообразования разработать морфологическую классификацию глагольных слов. Эту задачу попытался решить Е. А. Крейнович, положивший в основу такой классификации типы глагольных основ. Автор предложил различать в кетском языке: (1) тип глаголов, имеющих непрерывную корневую основу в конце

слова; (2) тип глаголов, имеющих сложную прерывную основу, образованную двумя корневыми морфемами; (3) тип глаголов, имеющих простую прерывную основу с корневой морфемой в начале слова и деривационной морфемой в конце; (4) тип глаголов, имеющих простую прерывную основу с деривационной морфемой в начале слова и корневой морфемой в конце [15, с. 11—13]. «Глаголы с основой в конце слова представляют собой... наиболее ранний и наиболее древний тип глаголов кетского языка. Только став на эту точку зрения, можно представить себе, как развивались другие типы глаголов этого языка» [15, с. 97]. Думается поэтому, что именно этот тип глаголов как в кетском, так и в других енисейских языках, представляет наибольший интерес для определения типологического состояния енисейских языков.

Глагольные формы с непрерывной корневой основой в конце слова в кетском и югском языках неоднородны. Среди них различаются: (1) формы с субъектными показателями Б: югск. *bo-ade* «иду, пойду», *bo-o:nde* «пошел»; (2) формы с субъектными показателями Д: югск. *di-fyn* «стою», *d-o:rɣyn* «стоял»; (3) формы с теми и другими субъектными показателями одновременно: югск. *di-ba: -ɲso* «я-смотрю», *di-ba-ɲero* «я-смотрел»; (4) формы с двумя субъектными показателями Д одновременно: кет. *di-d-duk* «я-подвинусь», *di-l'-di-duk* «я-подвинулся»; (5) формы с субъектными показателями Б и объектными Д: кет. *ba-ɣa-v-uk* «в меня (искра) влетит» < «мое-влетание-этого (искры)», где *-v-* — объектный показатель вещного класса, югск. *ba-xu-b-der* «ношу-это (одежду)»; (6) формы с субъектными показателями Д и объектными показателями Б: югск. *d-ba-tuɲ* «он-меня-видит»; (7) формы, имеющие в своем составе субъектные и объектные показатели Д: югск. *du-t-tet* «он-меня-бьет», *d-in-di-tet* «он-меня-бил»; (8) формы, имеющие в своем составе субъектные показатели Д + Б и объектные показатели Д: югск. *di-bo-bb-xos* «я-понесу-это», *di-bu-ddi-xos* «он-понесет-меня»; (9) формы, имеющие в своем составе субъектные показатели Д + Б и объектные показатели Б: югск. *d-bu-a-xos* «он-понесет-его». Не зафиксированы лишь формы, в которых в качестве и субъектных и объектных выступают показатели Б. В целом получаем, таким образом, 9 типов форм глаголов с основой в конце слова, которые в зависимости от комбинации показателей Б и Д можно словно представить в следующем виде:

Одноместные предикаты

Д ————— 0
Б ————— 0
Д + Б ——— 0
Д + Д ——— 0

Двухместные предикаты

Д ————— Д
Б ————— Д
Д ————— Б
Д + Б ——— Д
Д + Б ——— Б

Само собой разумеется, что прежде чем говорить об элементарных предложениях, структура которых задается данными типами предикатов, необходимо внести ясность в характер соответствующих глагольных форм, определить сходство и различие в их семантике.

В современных енисейских языках — кетском и югском — показатели Б и Д могут выступать как в роли субъектных, так и в роли объектных [8, с. 210]; порой они свободно взаимозаменяются, например, южн.-кет. *en-ba-s'uk* ~ *en-di-s'uk* «я-забуду». Факты подобной функциональной неотдифференцированности глагольных форм с показателями Б и Д уже сами по себе позволяют предполагать, что различие между ними связано с определенными реликтовыми явлениями в морфологии глагола. Опираясь на материальное сходство показателей Б ряда *ba-a-i* с формантами род. падежа имени и местоимений, с одной стороны, и показателей Д ряда *di-du-da* с предикативными суффиксами ед. числа *-di?*, *-du?*, *-da?*, с другой, мы выдвинули в свое время предположение о том, что в основе различия между показателями Б и Д лежала оппозиция активный : инактивный, отражавшая активное состояние енисейских языков в прошлом [7, с. 38—39]: показателями Б оформлялись активные глаголы, а показателями Д — стативные, выражавшие то или иное состояние субъекта. С изменениями

в типологическом состоянии енисейских языков происходит переосмысление показателей Б и Д. Продуктивными остаются фактически только модели с показателями Д, что снимает всякие ограничения на участие показателей Д в глагольном формообразовании: они могут теперь в субъектной функции оформлять любые глаголы независимо от семантики¹.

Ряды показателей Д в целом однотипны: только в двух рядах инфиксов они во мн. числе совпадают с показателями Б, а в ед. числе в 3-м лице муж. и жен. классов либо вообще отсутствуют, либо совпадают с показателями Б [15, с. 23].

Иную картину обнаруживаем в серии показателей Б: здесь отчетливо различаются четыре ряда: *ba-a-i*, *bo-o-u*, *ba-bu-bu*, *bo-bu-bu* [15, с. 23] (нами приведены здесь показатели 1-го и 3-го лица ед. числа муж. и жен. классов), среди которых выделяются ряды *ba* и ряды *bo*. Изученные нами факты современных енисейских языков позволяют выдвинуть предположение о том, что в свое время, при активном типологическом состоянии енисейских языков в прошлом, основу различий между этими рядами составляли явления версионного характера. Примеры типа южн.-кет. *ba-tsaq* «сбегаю (туда и назад)» — *bo-ŷävitn* «выбегу, убегу», югск. *ba-ksa:r* «ночую» — *bo-ade* «пойду», южн.-кет. *ej-vä-gboRus* «вскочу» — югск. *bo-gojbej* «я-улетел», южн.-кет. *ba-ŷävu:k* «влетит в меня [искра]» (букв. «я-это-влетит») или: «мое-влетание-этого») — *bo-ks'iwij* «уносит-меня-ветром» (букв. «я-несет-ветер») и др. до сих пор сохраняют черты этих различий, суть которых состояла в наличии оппозиции центростремительной и центробежной версий. Центростремительные версионные формы (с показателями рядов *ba*) обозначали действие, замкнутое на активном актанте или происходящее на месте его пребывания, центробежные же версионные формы (с показателями рядов *bo*), напротив, обозначали действие, направленное за пределы активного актанта или от места его пребывания.

Поскольку семантической детерминантой активного строя является противопоставление активного и инактивного начал в отличие от агентивно-фактитивной детерминанты языков эргативного строя и субъектно-объектной — языков номинативного строя [16; 11, с. 45—47; 17, с. 80], то на рассматриваемой стадии развития енисейских языков в них, понятно, еще не выражались, во всяком случае эксплицитно, субъектно-объектные отношения. С появлением признаков выражения этих отношений, что было связано с перестройкой енисейского языкового типа, с развитием в енисейских языках черт номинативности (возможно, под воздействием окружающих номинативных алтайских и самодийских языков) исконная оппозиция центростремительной и центробежной версий начинает переосмысляться: если у интранзитивных глаголов версионные показатели рядов *ba* по-прежнему обнаруживают в качестве семантического инварианта замкнутость действия в его носителе (например, южн.-кет. *ba-ŷsuRo* «смотрю», *ba-tavaRo* «соглашусь», *ba-ttok* «вздвогнусь», югск. *a:b-ba-čaxan* «потею», *sig-ba-ta:x* «рожусь» и т. д.), а показатели рядов *bo* — указание на направленность действия за пределы места пребывания его носителя (югск. *bo-gojbej* «я-улетел», южн.-кет. *dataj-bo-ks'a* «скачусь», югск. *bo-ksyxy:n'* «несет меня/уносит меня течением» и т. д.)², то в структуре транзитивных глаголов эти же показатели в роли объектных получают дополнительные оттенки значения: за редким исключением, показатели рядов *ba* встречаются тогда, когда действие, направленное на объект, совершается прежде всего в интересах производителя действия, тогда как при наличии показателей рядов *bo* внимание скорей заостряется на объекте действия безотносительно к позиции производителя действия. Сравним следующие

¹ Полагаем, что случаи отбрасывания субъектных показателей Д, кроме ряда *di-du-dl* и показателя 3-го лица жен. класса *da* в других рядах в кетском языке, особенно в южнокетском диалекте, являются поздней инновацией.

² Сходное различие сохраняют эти показатели в структуре переходных глаголов, когда выступают в роли субъектных, ср. югск. *ba-xybder* «я-ношу-это (одежду)» — *di-bo-bbyn* «я-несу-это» (во втором примере к показателю *-bo-* префигируется еще дополнительно показатель *di-* серии Д).

примеры (южн.-кет.):

Формы с <i>ba</i>		Формы с <i>bo</i>	
<i>daŋ-ba-γsit</i>	«он-меня привяжет»	<i>syŋ-bo-γāvāt</i>	«он-меня-завязывает»
<i>ba-ss'ivil'</i>	«меня-он-догонит»	<i>sug-bo-ksuRut</i>	«встретит-он-меня»
<i>ba-γistog</i>	«на-меня-он-набросится»	<i>bo-gdāptāŋ</i>	«меня-тащит (на нарте)»
<i>ba-γivraq</i>	«в меня-он-выстрелит»	<i>bo-gbitaŋ</i>	«меня-венчает»
<i>ba-lāptāt</i>	«пристаёт-он-ко мне»	<i>det-bo-ksuRo</i>	«меня-он-лечит»
<i>ba-tpi</i>	«он-меня-спросит»	<i>dataj-bo-ks'a</i>	«он-меня-скатит»
<i>ba-γar'o</i>	«он-на меня-смотрит»	<i>dil'ubit-bo-aŋet</i>	«любит-он-меня» и т. д.

Приведенные факты напоминают в известной мере типологически сходное явление в картвельских языках, различающих субъектную и объектную версии [11, с. 152—154; 18, с. 170], тем более, что показатели ряда *ba-a-i*, оформляющие формы субъектной версии, совпадают с притяжательными префиксами имени и показателями род. падежа, т. е. показателями, выражающими обладание и принадлежность. Интересно отметить некоторое материальное сходство между кетско-югскими показателями ряда *ba-a-i* (субъектная версия) и ряда *bo-o-u* (объектная версия) (югск.):

<i>d-ba-tuŋ</i>	«он-меня-видит»	<i>di-l'ubit-bo-aŋet</i>	«он-меня-любит»
<i>d-a-tuŋ</i>	«он-его-видит»	<i>di-l'ubit-o-aŋet</i>	«он-его-любит»
<i>d-i-tuŋ</i>	«он-ее-видит»	<i>di-l'ubit-u-aŋet</i>	«он-ее-любит» —

и показателями *i* (субъектная версия), *u* (объектная версия) в груз. примерах типа *mezobel-i saxb-s iŋeneb-s* «сосед строит дом для себя», *tata saxb-s uŋeneb-s ŋvil-s* «отец дом строит для сына» [18, с. 170].

В связи с тем, что глагольные показатели Б исторически связаны с формой род. ³ (т. е. активного [19, с. 30]) падежа и оформляли активные глаголы [7, с. 38], их появление в объектной функции не увязывается с категорией транзитивности; из этого может следовать вывод, что эти глаголы, даже если они выражали действие, направленное на объект, не были исторически переходными глаголами в строгом смысле этого слова [20], и при решении вопроса о транзитивности енисейских глаголов и, соответственно, вопроса об эргативном прошлом енисейских языков [21] следует поэтому исходить прежде всего из глагольных форм с субъектными и объектными показателями Д, восходящими к форме основного падежа соответствующих личных местоимений [19, с. 30—31].

Большинство современных кетских и югских непереходных глаголов, в том числе простых глаголов с основой в конце слова, оформлено субъектными показателями Д (югск. *di:-jo* «умру», *di:-jut'* «шаманю», *di-toŋ* «вижу», *di-jadaŋ* «живу», *di-jax* «схожу», ср.-кет. *d-e:s'ij* «кричу», южн.-кет. *di-ren* «плачу», *di-loŋŋ* «трясусь», *di-jaRa* «торгую» и т. д.). В объектной функции показатели Д встречаются только в 1-м и 2-м лице ед. числа и в 3-м лице ед. числа вещного класса, например: югск. *du-di-čaŋ* «он-меня-тащит (волоком)», *du-b-čaŋ* «он-это-тащит (волоком)», *d-kor-d-e'it'* «он-меня-гнал», *di-in-d-tet* «он-меня-бил», *di-b-tet* «я-это-быю», южн.-кет. *du-r-is'* «он-меня-оденет», *du-t-ta:n* «он-меня-опоясывает», *di-v-gil* «он-это-ищет» и т. д. Именно данные формы можно исторически считать собственно переходными, и только такие формы позволяют говорить о некоторых чертах эргативности в енисейских языках в историческом плане, так как показатель объекта в этих переходных формах совпадает с показателем субъекта в непереходных формах, ср. югск. *di-jadaŋ* «я-живу», *du-di-čaŋ*

³ Точка зрения Е. А. Крейновича, согласно которой в енисейских языках, в частности в кетском и югском, нет родительного падежа [15, с. 130], нам представляется совершенно не обоснованной (ср. [7, с. 43]).

«он-меня-тащит (волоком)». Хотя в кетском и югском языках подлежащее при таких парах предикатов имеет совершенно одинаковое падежное оформление (югск. *bu xetraj duadax* «он с женой живет», *bu at dudičax* «он меня тащит»), использование одних и тех же показателей Д в качестве субъектных у глаголов переходной семантики и в качестве объектных (1-е лицо ед. числа) у глаголов переходной семантики напоминает ситуацию в эргативных абхазском и абазинском языках [22, с. 12], с той лишь разницей, что у глагола переходной семантики при объектном показателе Д появляется в этих языках субъектный показатель Л, выполняющий синтаксическую функцию эргативного падежа [22, с. 13—15]. Функции, выполняемые в таких случаях в абхазском языке показателем Л, могли бы в кетском и югском языках выполнять показатели Б, но единичные формы типа югск. *ba-xu-b-der* «ношу-это (одежду)», южн.-кет. *ba-ŷä-v-uk* «в меня (искра) влетит» в этом отношении не показательны. Тем не менее наличие в современных енисейских языках — кетском и югском — форм типа *di-jadax* «я-живу» и *du-di-čax* «он-меня-тащит» напоминает эргативное состояние абхазского языка⁴. Подобная тенденция в развитии енисейских языков не приобрела, однако, устойчивого характера вследствие более интенсивного развития черт номинативности. Тот факт, что в современных енисейских языках доминируют черты номинативности, подтверждается, кроме всего прочего: (а) смещенностью агента в главную синтаксическую позицию [17, с. 90], согласующейся с явной субъектной ориентированностью парадигматических элементов в структуре глагольных слов, особенно в югском языке; в этом отношении следует отметить наличие четких рядов субъектных показателей, включая и последовательное выражение неодушевленного субъекта 3-го лица; (б) стиранием прежних различий между глагольными словоформами, оформленными показателями Б и Д; это подтверждается не только колебаниями типа югск. *d-ba-gato:š/du-t-to:š* «он-меня-воспитывает», южн.-кет. *en-ba-s'uk/en-di-s'uk* «забуду», но и наличием целых парадигм спряжения типа

<i>di-ŷar'o</i>	«смотрю»	<i>ba-ŷsuRo</i>	«смотрю»
<i>ku-ŷar'o</i>	«смотришь»	<i>ku-ŷsuRo</i>	«смотришь»
<i>du-ŷar'o</i>	«он-смотрит»	<i>bu-ŷsuRo</i>	«он-смотрит» и т. д.

(в) употребление не оформленного объектными показателями глагола в роли транзитивного (*saRijis'aŷ baysu Ro* «гнездо белки высматриваю» [15, с. 87], югск. *ad ir bʷn' pade* «я песню не знаю») при употреблении транзитивного глагола, наоборот, в роли интранзитивного (*dbaysuRo*, *bʷn' dituŷ* «смотрю, но не вижу» [15, с. 87]); (г) оформление прямого объекта формой основного падежа при использовании в соответствующей глагольной форме объектного показателя серии Б, а не Д (югск. *čib at dasaŷ-ba-tona:x* «собака меня узнала»); (д) появление в кетском языке конструкций типа *l'a'm abäbät* «стол вытирается (кем-то)» из *at l'a'm dabbät* «я стол вытираю», указывающих на возможность пассивного преобразования, при котором наблюдается переход в позицию подлежащего лексемы из ликвидированной позиции прямого дополнения (с элиминацией агента), причем лексема, перешедшая из позиции прямого дополнения в позицию подлежащего, занимает маргинальную левую позицию в предложении (т. е. при активной конструкции эту позицию занимает агент, а при пассивной пациенс)⁵. В пользу выдвинутого тезиса о доминирующем характере номинативного компонента в строе современных енисейских языков можно привести еще много фактов, находящихся на лексическом, синтаксическом и морфологическом уровнях (они более подробно рассмотрены нами в специальной статье), но самый важный аргумент состоит в том, что

⁴ Правда, в кетском и югском языках, в отличие от абхазского, имеется развитая система склонения, но наличие эргативного состояния типа абхазского не предполагает неперемещения отсутствия падежной системы [23].

⁵ Еще более показательны в данном случае примеры типа *qimn duniŷ dovil'dan* «женщины дымокуры положили», но: *duniŷ davär'ij qimna l'aŷupas'* «дымокуры положены женскими руками» [15, с. 250].

современный енисейский языковой тип ориентирован на передачу субъектно-объектных отношений, о чем свидетельствует отмеченная в кетском и югском языках категория транзитивности-интранзитивности [10, с. 140; 15, с. 9], а это как раз является семантической детерминантой номинативного строя языка. Из этого следует, что различия между глагольными формами, оформленными показателями Б и Д, носят в целом реликтовый характер; эта общая посылка и является для нас определяющей при рассмотрении вопроса о типологии элементарного предложения в современных енисейских языках. Ниже рассмотрим предложения с указанными 9 типами предикатов.

1) Одноместные предикаты с субъектными показателями Д, несомненно, образуют номинативную конструкцию предложения. Соответствующие глагольные лексемы называются состояниями или процессы, которые протекают при участии только их носителя, т. е. не выходят из сферы субъекта [24, с. 30]: югск. *at di:ty:r* «я мерзну», *at di:d'e* «я плачу», *at dijfuɣ* «я опускаю».

2) Точно такую же конструкцию предложения образуют и одноместные предикаты, оформленные показателями Б (югск. *at boor:de* «я шел», *at bagynsa:r* «я почевал», южн.-кет. *bu oks'iRin* «он/его течением несет»); подлежащие при них, как и при предикатах, оформленных показателями Д, получают форму основного падежа, и, таким образом, только морфология сохранила старое понимание этих глагольных форм как активных (ср. сходное переосмысление значения глагольных форм в картвельских языках [18, с. 169]). Число подобных одноместных предикатов в кетском и югском языках невелико, и данная модель занимает в системе этих языков периферийное положение.

3) Сложнее вопрос с моделями $D+B-\emptyset$ и $D+D-\emptyset$, которые также причислены к моделям с одноместными предикатами. Так, сравнивая примеры типа кет. *taɣaj-bu-ks'a* ($<d-taɣaj-bu-ks'a$) «он-потянется» и *taɣaj-o-ks'a* ($<d-taɣaj-o-ks'a$) «его-потянет (кто-то)», Е. А. Крейнович противопоставляет их соответственно как непереходную и переходную формы [15, с. 225]. Можно предполагать, что формы типа $D+B-\emptyset$ поначалу указывали на то, что действие совершается субъектом над самим собой (рефлексивные формы), и примеры, типа южн.-кет. *da-tuɣun'-bu-taɣit* «она-причесывается» (но: *[d]-tuɣun'-i-taɣit* «он-ее-причесывает») еще хорошо сохранили это исконное значение. Несомненно, такого же происхождения и формы типа кет. *da-bu-nɕivil'* «она-вздрыгнет», *da-bu-ŋsoRo* «она-смотрит» («всматривается»), югск. *d-bu-ttoɣ* «он-вскочит», кет. *da-bu-tsaɣ* «она-сбегает» («пробежится туда и назад») и т. д. Подлежащее при таких предикатах всегда оформлено основным падежом.

4) То же самое можно сказать о предикатах, оформленных по схеме $D+D-\emptyset$, но с той разницей, что они встречаются лишь в 1-м и 2-м лице ед. числа⁶ (южн.-кет. *di-d-duk* «я-подвинусь», *d-il'-di-ruk* «я-подвинулся», *ku-ɣu-ruk//ku-ɣ-ruk* «ты-подвинешься», *k-il'-ɣu-ruk* «ты-подвинулся», югск. *d-ir-di-si'ɣ* («я-обулся», *k-ir-gi-si'ɣ* «ты-обулся» и т. д.), а также в 3-м лице вещного класса (югск. *bi-m-b-ata* «слышится-это», *bi-m-b-e* «делается-это» [10, с. 262], *bi-m-b-a-xo:r* «заживает-это» $<$ «заживляется-это»; *tuda l'es-diɣɕ:r bim-bata* «это из леса слышится»).

По своему морфологическому оформлению подобные одноместные предикаты ничем не отличаются от двухместных, ср. югск. парадигмы:

<i>di-t-si'ɣ</i>	«обуваюсь»	<i>du-t-si'ɣ</i>	«он-меня-обувает»
<i>ku-k-si'ɣ</i>	«обуваешься»	<i>du-k-si'ɣ</i>	«он-тебя-обувает» и т. д.;

но лексическая наполняемость соответствующих предложений совершенно различна, ср.: *at di-t-si'ɣ* «я обуваюсь» — *bu at du-t-si'ɣ* «он меня обувает».

⁶ Показатели 2-го лица ед. числа однотипны во всех рядах показателей Д и Б см. [15, с. 23]; поскольку модель $B+B-\emptyset$ нами не зафиксирована в енисейских языках, то формы 2-го лица типа югск. *ku-k-si'ɣ* «обуешься», оформленные по тому же принципу, что и формы 1-го лица типа *di-t-si'ɣ* $<$ *di-di-si'ɣ* «обуюсь», следует относить к модели $D+D-\emptyset$.

5) К модели Д—Д относятся типичные двухместные предикаты, которые имеют при себе субъект и прямой объект, оформленные основным падежом, причем в роли прямого объекта могут выступать только личные местоимения 1-го и 2-го лица ед. числа и имена вещного класса: югск. *baxat oksy di:ptiŋ* «старик палку крутит», *op at dudibak* «отец меня найдет», *bu u dukto:š* «он тебя воспитывает».

В связи с реализацией в предложениях подобного типа актантов двухместного предиката возникает проблема позиционных падежей в кетском и югском языках. Приведенные примеры показывают, что кодирование актантов осуществляется при помощи согласования с предикатом, имеющим субъектные и объектные показатели. Важно при этом отметить, что порядок расположения этих показателей в составе словоформ простых глаголов с основой в конце слова точно соответствует порядку расположения именных членов данных предложений. Этот порядок можно представить в виде общей схемы S—O—V: югск. *at u di-k-to:s* «я тебя воспитываю».

Разумеется, порядок слов в кетском и югском предложении может варьироваться в зависимости от различного актуального членения предложения [25, 26], но в обычной ситуации подлежащее занимает маргинальную левую, а сказуемое — маргинальную правую позицию: между ними, непосредственно перед сказуемым, располагается прямой объект.

Таким образом, хотя позиционные падежи — номинатив и аккузатив — в плане выражения на уровне морфологии совпадают в так называемом основном падеже, на синтаксическом уровне эта падежная оппозиция может быть выражена посредством порядка слов именных членов предложения. Мы исходим, следовательно, из того, что предложения модели Д—Д имеют в основе своей номинативную конструкцию, хотя по особенностям субъектно-объектного оформления соответствующих предикатов приближаются к эргативному построению.

6) Как уже отмечалось выше, к эргативной конструкции типа абхазской очень близка кетско-югская модель предложения Б—Д, предикаты которой имеют субъектные показатели Б и объектные Д, причем в роли объекта нами отмечены лишь имена класса вещей: югск. *at suiŋat ba-xu-b-der* «я рубашку ношу». Данная модель представлена немногими примерами и может рассматриваться как архаизм. Заметим, что по формальному оформлению к этой модели должны бы относиться и предикаты, представляющие собой финитные формы глагола «слышать», но объект при таких предикатах оформлен не основным, а исходным падежом: *at ugaŋu:r ba-ga-b-de* «я тебя слышу». Это объясняется тем, что такие формы, поначалу имевшие значение «я это от тебя слышу», о чем свидетельствует показатель класса вещей *-b-* в составе глагольной словоформы, были позднее переосмыслены по образцу предикатов типа югск. *aseradiŋu:r u xoskide* «кого ты боишься?» (букв. «от кого ты боишься?»), хотя переводятся на русский язык как формы переходного глагола. Подобное же несоответствие между русскими и кетскими глаголами наблюдаем в случаях типа югск. *at dibad'is daŋ//budaŋ* «я ругаю его», *at dibad'is diŋ//budiŋ* «я ругаю ее», *at disaŋsygit daŋ* «я ищу его», кет. *abaŋ trafavatbogo'l betin* «меня оштрафовали» (букв. «мне штрафовали»), когда объект стоит не в основном, а в дательном падеже, или кет. *s'el' desij ollastat* «олень зовет олененка» [27] (букв. «олень кричит для олененка»), когда объект стоит в назначительном падеже. Понятно, такие случаи не дают оснований для выделения у данных падежных форм кетского и югского языков аккузативных функций [28]. Если в случае *at bagabde ugaŋu:r* «я тебя слышу» предикат исторически характеризуется фактически как трехместный (< «я это от тебя слышу»), то в других рассмотренных случаях представлен двухместный предикат, при котором объект оформляется не основным падежом, а дательным, исходным или назначительным.

7) Модель Д—Б, в отличие от модели Б—Д, встречается в кетском и югском языках довольно часто во всех трех лицах, а в качестве именных членов при таких предикатах (в роли субъекта и объекта) отмечены субстантивы всех трех классов: *bop at d-ba-taba:x* «мой отец меня оставляет»,

klj ket bu: ɲ d-aŋ-toŋ «охотник их видит», *d-ba-gafout* «он-меня-ждет», *d-ba gade* «он-на-меня-смотрит (букв. «он-меня-смотрит») и т. д. Так же, как и во всех предыдущих случаях, субъект и объект оформлены основным падежом.

8) Совершенно особый случай представляют собой модели $D+B-D$ и $D+B-B$, предикаты которых, будучи двухместными, оформлены двумя субъектными и одним объектным показателем.

При модели $D+B-D$ предикат оформлен объектным показателем D 1-го и 2-го лица, а также 3-го лица вещного класса, и в качестве объекта в предложениях подобного типа могут выступать только личные местоимения 1-го и 2-го лица ед. числа или имена класса вещей: *d-ba-xaboŋ* «я-надену-это», *d-bu-xaboŋ* «он-наденет-это», *da-bu-xaboŋ* «она-наденет-это», *di-bo-bbɯn* «я-это-несу», *di-bu-bbɯn* «он-это-несет», *di-bu-ddi-xos* «он-меня-несет», *di-bu-kku-xos* «он-тебя-несет» и т. д. Данная модель, как и модель $B-D$, представлена немногими примерами и может рассматриваться как архаизм.

9) Модель $D+B-B$, напротив, широко распространена в кетском и югском языках, и объект при предикатах данной модели в 3-м лице может быть представлен именем муж. или жен. класса: *di-bo-a-xos* «я-его-несу», *d-bu-oŋ-one* «он-их-нес», *di-bo-kaŋ-ɲos* < *di-bo-kaŋ-xos* «я-вас-несу» и т. д.

Необычность последних двух моделей состоит в том, что соответствующие двухместные предикаты оформлены двумя субъектными показателями. Сходное явление было выше отмечено у одноместных предикатов моделей $D+B-\emptyset$, $D+D-\emptyset$; учитывая, что эти предикаты по происхождению могут быть охарактеризованы как рефлексивные формы, следует, очевидно, и для предикатов моделей $D+B-D$, $D+B-B$ предполагать наличие в прошлом рефлексивного значения, например, по образцу немецких предикатов типа *sich schämen*, *sich bedienen*, *sich entsinnen* и т. д., требующих объекта в род. падеже [24, с. 42—44], или по образцу транзитивных рефлексивов литовского языка, которые характеризуются как посессивно-объектные [29], хотя прямой аналогии в данных примерах с енисейскими фактами нет.

Таким образом, рассмотренные кетские и югские модели элементарного предложения, несмотря на различную аранжировку субъектно-объектных показателей в составе предикатов, указывающую на типологическое состояние енисейских языков в прошлом, обнаруживают совершенно явный номинативный характер и при предикате, выраженном интранзитивным глаголом, и при предикате, выраженном транзитивным глаголом. Это подтверждается, во-первых, рядом существенных морфологических проекций данных синтаксических структур (например, однотипное оформление подлежащего, что свидетельствует о наличии номинатива как падежа формального субъекта), а во-вторых, такими особенностями синтаксиса, как дифференцированность прямого и косвенного объектов (и в плане содержания, и в плане выражения) и наличие конструкций, различающихся залоговыми признаками.

Факты коттского языка, приведенные М. А. Кастреном [30], в целом подтверждают данный общий вывод, хотя этот язык и обнаруживает некоторые специфические черты. Так, если в кетском и югском при нормальной речевой ситуации порядок слов в элементарном предложении соответствует порядку расположения субъектных и объектных показателей в соответствующей глагольной словоформе, о чем выше уже говорилось, то в коттском языке такого соответствия нет: как правило, в нем субъектные показатели суфигируются к глагольной словоформе, а объектные — префигируются (*b-aruk-ɲ* «это-найду-я», *b-aruk-u* «это-найдешь-ты» и т. д.) или инфигируются (*hama²-a-t^ha:k-u* «любишь-его-ты», *hama²-an-t^ha:k-u* «любишь-меня-ты», *hama²-u-t^ha:k-ɲ* «люблю-тебя-я» и т. д.), тогда как в коттском предложении, насколько позволяют судить материалы М. А. Кастрена, подлежащее занимает маргинальную левую позицию как при интранзитивном, так и при транзитивном предикате: *u:ju urkolok* «он умылся», *a:ʃ ŋum fo:rak-ɲ* «я бы взял», *a:joŋ hapit^ha:gantɔŋ* «мы купили» и т. д.

Другая важная отличительная особенность коттского языка состоит в том, что в нем, как правило, и субъектные, и объектные глагольные показатели — это показатели серии Б; субъектный ряд отличается от объектного лишь тем, что в нем нет показателей 3-го лица. Кроме того, в объектном ряду в 3-м лице вещного класса может появляться, по аналогии с кетским и югским языками, показатель серии Д: *b-agi:t-aŋ* «это-ищу-я», *b-alagi:t-aŋ* «это-искал-я». Впрочем, можно допустить, что в примерах *b-ari* «это-зреет», *m-anari* «это-созрело» [30, с. 118] этот же самый показатель *b-* выступает в роли субъектного.

Учитывая, что в коттском языке, как и в кетском и югском, показатели Б исторически восходят к форме родительного падежа соответствующих личных местоимений, а показатели Д — к форме основного падежа этих же местоимений, можно, опираясь на словоформы типа *b-agi:t-aŋ* «это-ищу-я», предполагать в коттском языке наличие посессивной конструкции⁷ как разновидности эргативной в период перестройки языкового строя от языка активной типологии к языку номинативной типологии. Это, несомненно, рудиментарные черты, так как субъект при таких предикатах оформляется, по данным М. А. Кастрена [30], формой основного падежа, и, следовательно, коттские факты напоминают скорей положение, существующее в некоторых самодийских языках [32], обнаруживающих посессивное оформление переходных глаголов, но являющихся языками номинативной типологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гришина Н. М. Падежные показатели и служебные слова в структуре сложного предложения кетского языка: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Л., 1979.
2. Кабанова Т. А. Синтаксис простого предложения кетского языка: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Новосибирск, 1975.
3. Белимов Э. И. К вопросу о порядке слов в кетском предложении. — В кн.: Языки и топонимия. Томск, 1977.
4. Белимов Э. И. Неполные предложения в енисейских языках. — В кн.: Полипредикативные конструкции и их морфологическая база. Новосибирск, 1980.
5. Белимов Э. И. Способы выражения минимального и осложненного вариантов простого глагольного сказуемого в енисейских языках. — В кн.: Синтаксис алтайских и европейских языков. Новосибирск, 1981.
6. Белимов Э. И. Сложное и составное сказуемое в енисейских языках. — В кн.: Грамматические исследования по языкам Сибири. Новосибирск, 1982.
7. Вернер Г. К. Реликтовые признаки активного строя в кетском языке. — ВЯ, 1974, № 1.
8. Успенский Б. А. О системе кетского глагола. — В кн.: Кетский сборник. Лингвистика. М., 1968.
9. Климов Г. А. Типология языков активного строя. М., 1977.
10. Дульзон А. П. Кетский язык. Томск, 1968.
11. Климов Г. А., Алексеев М. Е. Типология кавказских языков. М., 1980.
12. Bouda K. Die Sprache der Jenissejer. — Anthropos, 1957, Ed. 52, 1—2, с. 98—106.
13. Панфилов В. З. Взаимоотношение языка и мышления. М., 1971, с. 111.
14. Дульзон А. П. Аффикация как метод передачи грамматических значений: Лекция по общему языкознанию. Томск, 1962, с. 4.
15. Крейнович Е. А. Глагол кетского языка Л., 1968.
16. Кибрик А. Е. Структурное описание арчинского языка методами полевой лингвистики. Автореф. дис. на соискание уч. ст. докт. филол. наук. М., 1976, с. 34—35.
17. Кибрик А. Е. Эталон эргативности и дагестанские языки. — В кн.: Актуальные вопросы структурной и прикладной лингвистики. М., 1980.
18. Гецадзе И. О., Гайдарова Ф. А. О выражении субъектно-объектных отношений в иберийско-кавказских языках. — В кн.: Категории субъекта и объекта в языках различных типов. Л., 1982.
19. Валл М. Н., Вернер Г. К. Об истоках падежной системы в енисейских языках. — В кн.: Происхождение аборигенов Сибири и их языков: Материалы Всесоюзной конференции 14—16 июня 1973 г. Томск, 1973.
20. Вернер Г. К. Об эргативности в енисейских языках (кетском, югском, коттском). — In: Soome-Ugri rahvad ja idamaad (Финно-угорские народы и Восток). Etekanne teesid. Tartu, 1975, lk. 13—15.
21. Успенский Б. А. Замечания по типологии кетского языка. — В кн.: Вопросы структуры языка. М., 1964, с. 148—156.

⁷ Известно, что мысль о возможном существовании в кетском языке в древности посессивной конструкции предложения была впервые высказана акад. И. И. Мещаниновым [31].

22. *Гецадзе И. О.* Очерки по синтаксису абхазского языка. Л., 1979.
23. *Климов Г. А.* Очерк общей теории эргативности. М., 1973, с. 42.
24. *Абрамов Б. А.* Типология элементарного предложения в современном немецком языке. М., 1972.
25. *Панфилов В. З.* К вопросу о логико-грамматическом уровне языка. — ZPSK, 1962, Hf. 3—4.
26. *Панфилов В. З.* Философские проблемы языкознания. М., 1977, с. 116—117.
27. *Топоров В. Н., Цивьян Т. В.* Об изучении имени в кетском (некоторые результаты и перспективы). — В кн.: Кетский сборник. Лингвистика. М., 1968, с. 244.
28. *Топоров В. Н.* Заметки по лингвистической географии Енисея. I. Из наблюдений над структурой падежной парадигмы. — В кн.: Лингво-типологические исследования. I. М., 1973.
29. *Генюшене Э. Ш.* Бенефактивные транзитивные рефлексивы в литовском языке. — В кн.: Проблемы теории грамматического залога. Л., 1978, с. 157.
30. *Castrén M. A.* Versuch einer jénissei-ostjakischen und kottischen Sprachlehre. SPb., 1858.
31. *Мещанинов И. И.* Палеоазиатские языки. — ИАН ОЛЯ, 1948, № 6, с. 509.
32. *Мещанинов И. И.* Эргативная конструкция в языках различных типов. Л., 1967, с. 50, 112.